

СЕДЬМАЯ КУЛИСА

The image shows a theatrical stage set. In the background, there are heavy red curtains. To the left, a painted backdrop depicts a large, dark castle with many windows. On the stage floor, there are several small, glowing, shell-like objects. A large, old book lies on the floor, and a pair of white gloves is draped over the edge of the stage. The lighting is warm and focused on the stage.

ЩЕРБАКОВ С. С.

Щербаков Сергей

Седьмая кулиса

<https://litres.ru/74508073>

SelfPub; 2026

Аннотация

В приморском театре «Меридиан» на генеральной репетиции погибает актёр, ушедший за седьмую кулису по знакомой всем мизансцене. Вскоре умирает и помощник режиссёра, хранивший экземпляр пьесы. Эдмунд Роуэн замечает, что свидетели перепутали время светового сигнала со временем на часах. Одна изменённая реплика ведёт его к тайне старого пожара и к вопросу, кому на самом деле принадлежат слова, звучащие со сцены.

Содержание

Часть первая	8
Дом, у которого была сцена	9
Строка для чужого голоса	13
Двенадцать причин остаться	17
Старое имя	21
Дверь на старом плане	24
Слова, которых нет в афише	27
Восемь тактов	30
Часы у рабочей двери	33
Прогон для пустого зала	36
Тяжесть, которая не падала	39
Инспектор из Ледвика	42
Две версии одной минуты	45
Пропавшая подпорка	48
Письмо покупателя	51
Сторож у главного входа	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Щербаков Сергей

Седьмая кулиса

Седьмая кулиса

Детективный роман

Щербаков С. С.

© Щербаков С. С., 2026

Все персонажи и события вымышлены.

Возрастная категория: 16+.

Оглавление

Часть первая

Глава 1. Дом, у которого была сцена

Глава 2. Строка для чужого голоса

Глава 3. Двенадцать причин остаться

Глава 4. Старое имя

Глава 5. Дверь на старом плане

Глава 6. Слова, которых нет в афише

Глава 7. Восемь тактов

Глава 8. Часы у рабочей двери

Глава 9. Прогон для пустого зала

Глава 10. Тяжесть, которая не падала

- Глава 11. Инспектор из Ледвика
- Глава 12. Две версии одной минуты
- Глава 13. Пропавшая подпорка
- Глава 14. Письмо покупателя
- Глава 15. Сторож у главного входа
- Глава 16. Пиджак без тетради
- Глава 17. Тетрадь Клары
- Глава 18. Женщина на снимке

Часть вторая

- Глава 19. Время флейты
- Глава 20. Последний поезд
- Глава 21. На одной стороне сцены
- Глава 22. Собрание без занавеса
- Глава 23. Монолог, которого не слышали
- Глава 24. Голос из черновика
- Глава 25. Наследники Джозефа Мэннинга
- Глава 26. Фамилия на договоре
- Глава 27. Серая стена
- Глава 28. Двенадцать шагов
- Глава 29. Попечитель и его отец
- Глава 30. Записка Гарольда
- Глава 31. Зелёные листки
- Глава 32. Цена чужой осторожности
- Глава 33. Не тот поворот

Часть третья

- Глава 34. Лестница после полуночи

- Глава 35. Последняя правка Хью
- Глава 36. Рука на лестнице
- Глава 37. Накладная Эдварда
- Глава 38. Человек, который держал лестницу
- Глава 39. Встреча у волнолома
- Глава 40. Ножка старого пюпитра
- Глава 41. Условие в конце письма
- Глава 42. Памятная доска
- Глава 43. Слова на подкладке
- Глава 44. Ряды для свидетелей
- Глава 45. Отпечаток на чистом листе
- Глава 46. День без репетиции
- Глава 47. Старый управитель
- Глава 48. Под винтом
- Глава 49. Подложенный лист
- Глава 50. Неполная правда Милдред
- Глава 51. Часы над кассой

Часть четвёртая

- Глава 52. Реплика, которую могла сказать Лилиан
- Глава 53. Тетрадь, которую берегли
- Глава 54. Красный карандаш режиссёра
- Глава 55. Ответ из лаборатории
- Глава 56. Деньги Вивиан
- Глава 57. Переулок за мастерской
- Глава 58. Отрыв по волокну
- Глава 59. Пальто с зелёной нитью

- Глава 60. Вещи на своём месте
- Глава 61. Четыре книги на одном столе
- Глава 62. Неотправленное письмо
- Глава 63. Решение Томаса
- Глава 64. Минута без подсказки
- Глава 65. Письмо Розы
- Глава 66. Договорённость с Хэвиллом
- Глава 67. Крошка на подоконнике
- Глава 68. Ответ на записку
- Глава 69. Вырезанная страница
- Глава 70. История Хью по её словам
- Глава 71. История Гарольда по книгам
- Глава 72. Вопрос без роли
- Глава 73. За седьмой кулисой
- Глава 74. Верхняя площадка
- Глава 75. Слова, которые Гарольд не сказал
- Глава 76. Три дела и одна сцена
- Глава 77. Имя на титульном листе
- Глава 78. Счёт, который остался
- Глава 79. Строка о Джозефе Мэннинге
- Глава 80. Сцена без Гарольда
- Глава 81. Разговор у пустой сцены
- Глава 82. Пятница дома

Эпилог

Часть первая

Глава 1

Дом, у которого была сцена

В Ледвике море можно было услышать даже на театральной площади. Оно не показывалось между домами, зато по вечерам воздух приносил к крыльцу «Меридиана» запах мокрой древесины и водорослей. Элис Грей, прожившая здесь почти месяц, перестала замечать запах и начала замечать другое: люди, проходя мимо нового фасада, больше не ускоряли шаг.

На старых фотографиях театр выглядел изящнее. Архитектор, построивший его в прошлом веке, не рассчитывал, что один из боковых входов придётся заложить после пожара, а над другим навесят железный навес. Элис сняла навес, раскрыла окна верхнего фойе и настояла, чтобы служебные двери открывались наружу. Последнее решение вызвало больше возражений, чем всё остальное вместе. Дверь, которой пользуются каждый день, казалась труппе своей собственностью; дверь, которой пользуются только в беде, была будто ничьей.

— Вот эта больше не должна запирается во время спектакля, — сказала Элис, показывая Томасу Грею светлую створку в конце прохода.

Инспектор попробовал нажать на ручку. Дверь подалась легко. За ней была короткая лестница к улице.

— А ту, рядом с седьмой кулисой, по-прежнему запира-

ют?

— Это вход в старое хранилище декораций. До него отсюда ещё двенадцать шагов. Его закрывают, когда ставят высокие холсты: сквозняк проходит под сценой. Но этот выход остаётся свободным. Я написала об этом на плане так крупно, что дирекция решила, будто я ей не доверяю.

— Ты ей не доверяешь?

— В вопросе дверей — никому.

Они пришли раньше остальных. Томас приехал из уездного управления после полудня, взяв два дня отпуска, которые начальник считал давно истраченными. Элис закончила приёмку работ и получила от продюсера приглашение на генеральный прогон. Нору оставили у тётки Мэри: девочка протестовала не против разлуки, а против того, что взрослые увидят сценический корабль прежде неё. Томас обещал рассказать, как он устроен, не открывая развязки пьесы.

Эдмунд Роуэн ждал их в пустом зрительном зале. Ему предложили место в первом ряду; он выбрал середину восьмого, откуда, по его словам, можно было видеть не только актёров, но и тех, кто смотрит на актёров. На коленях у него лежала сложенная программка.

— Вы снова пришли ради дела? — спросил Томас.

— Ради пьесы. Я не знал, что Элис пригласила инспектора для проверки пожарных дверей.

— Это я сама, — сказала Элис. — В театре три сотни мест. Мне спокойнее, если хотя бы один зритель знает, где выход.

Роуэн посмотрел на сцену. На ней стояли две стены, составленные из высоких серых полотнищ. Между ними виднелась дверь без косяка: не настоящая, только лёгкая рама на колёсах. Дальше уходили в полумрак кулисы, занумерованные маленькими жестяными табличками. Седьмая скрывалась за поворотом, если смотреть из зала.

— За ней и случился старый пожар? — тихо спросил он. Элис отрицательно покачала головой.

— Огонь начался в бывшей красильне, за другой стеной. Но люди помнят название кулисы лучше, чем план. Газеты писали, что за седьмой было теснее всего. Потом каждый стал уверен, что именно там находилась запертая дверь.

Она говорила спокойно, как человек, которому надоело спорить с легендой, но не с опасностью, породившей её. Томас заметил на её пальцах следы графита. Утром она всё ещё правила чертёж.

Роуэн развернул программку. На титульной странице стояло: «Дом, который слышит море». Пьеса Сесила Ардена. Ниже — фамилия режиссёра Ричарда Слоуна и крупное имя ведущего актёра Гарольда Уикема. Роуэн помнил Уикема по лондонской сцене: голос, которым тот умел наполнить зал, не повышая его, и привычку делать паузу перед чужой важной репликой. Некоторым актёрам такая пауза казалась щедростью. Их партнёры знали, что она бывает и способом украсть внимание.

Из-за кулис донёсся стук молотка и короткий женский

смех. После него кто-то решительно сказал: «Не сегодня». Томас, не разбиравший слов, повернул голову; Роуэн сложил программку так, чтобы фамилия автора осталась снаружи.

— Вы знаете Ардена? — спросила Элис.

— Знаю две его пьесы. Обе умнее своих героев. Если новая окажется иной, это будет приятная неожиданность.

Сверху зажёгся рабочий свет. На сцену вышел мужчина в сером жилете с карандашом за ухом. Он не посмотрел в зал и поднял к потолку обе руки. Кто-то наверху ответил ему двумя короткими щелчками.

— Хью Ларк, — сказала Элис. — Помощник режиссёра. Если театр откроется вовремя, заслуга будет его. Если опоздает, виноватой объявят меня.

Хью велел передвинуть лёгкую дверь на полметра влево. Рабочий толкнул раму слишком резко, и она скрылась за седьмой кулисой. Хью пошёл вслед за ней. Через минуту он появился в другом проходе с рулеткой и раздражённо сообщил, что в будущих спектаклях дорога должна оставаться свободной. Он говорил о сцене, не о пожаре. Элис услышала и то и другое.

Глава 2

Строка для чужого голоса

До вечера репетировали третью сцену. Ричард Слоун остановил её семь раз и каждый раз утверждал, что остановка последняя. Внизу сидели Элис, Томас, Роуэн и продюсер Вивиян Марш; ближе к проходу устроился сэр Освальд Фенвик, председатель театрального попечительства. Он время от времени открывал карманные часы. Никто не спрашивал его, сколько времени: часы служили выражением недовольства.

Гарольд Уикем играл человека, вернувшегося после долгого отсутствия. Лилиан Верн — хозяйку дома, которая знала, почему он не должен открывать одну из дверей. В этом не было ничего необычного для пьесы. Необычным было то, как Лилиан избегала смотреть на партнёра между репликами. Она обращалась к нему лишь тогда, когда того требовал текст.

— Снова, — сказал Слоун. — От слов про фонарь.

Лилиан взглянула в суфлёрскую будку, хотя не нуждалась в подсказке.

— «Они зажгут фонарь, когда придёт прилив», — произнесла она.

Уикем прошёл за серую раму и исчез за седьмой кулисой. В ту же секунду белый свет на декорациях стал синим. Томас почувствовал, как Элис рядом выпрямилась: не от красоты

перехода, а от того, что в темноте рабочий стол у стены едва различался.

— Свет слишком поздний, — сказала она.

— Зато фраза слишком ранняя, — ответил Роуэн.

Слоун услышал только её.

— Нам требуется минута темноты, миссис Грей. Иначе Иона не успеет сменить плащ.

— Мне требуется, чтобы человек видел край ступени, — сказала Элис. — Плащ можно сменить на освещённом месте.

Режиссёр вздохнул и позвал Дэвида Крейна, отвечавшего за свет. Высокий молодой человек показался в боковой галерее с блокнотом в руке.

— Нужен огонёк у рабочей ступени, — велел Слоун. — Невидимый залу.

— Если сделать его невидимым залу, актёр тоже может его не увидеть.

— Тогда сделайте видимым актёру, — ответил Слоун. — Вы понимаете, чего я прошу.

Дэвид ничего не сказал. Он спустился проверять кабель. Хью Ларк отметил правку в своём толстом экземпляре пьесы. Роуэн успел заметить, что в отличие от актёрских листов страницы у Хью были скреплены кольцами и испещрены знаками на полях. Человек, которому принадлежит порядок чужих выходов, редко доверяет память самому спектаклю.

На следующем прогоне Гарольд не ушёл вовремя. Лириан произнесла: «Я оставила фонарь у двери», сделала два шага и

остановилась, ожидая ответной фразы. Уикем стоял посреди сцены и смотрел на Ричарда Слоуна.

— Это не мой уход, — сказал он.

— Ничей, — сказал Слоун. — Продолжайте.

Из будки донёсся голос Милдред Эш — негромкий, отчётливый, с такой ровной интонацией, что его нельзя было спутать с актёрским. Она подсказала Лилиан следующее предложение. Лилиан повторила его почти дословно. Позже Роуэн не мог уверенно вспомнить, было ли там слово «уже»; он помнил только, что Гарольд обернулся к будке раньше, чем к партнёше.

— Не трогайте эту строку, — сказал он, когда Слоун снова остановил сцену.

— Вы решили ставить спектакль за меня? — спросил режиссёр.

— Нет. Я предлагаю не отдавать актёру два противоположных сигнала в одной минуте.

— Мизансцена останется прежней. Строку я просмотрю вечером.

Вивиан Марш поднялась со своего места. Ей хотелось напомнить обоим, что оплаченный зал уже завтра ждёт журналистов и приглашённых зрителей. Но она увидела, как Фенвик убрал часы, и села обратно. В театре решения иногда принимались молчанием человека, который не держал на руках ни одной страницы.

После репетиции Роуэн встретил Милдред у узкой двери

суфлёрской будки. Женщина была невысокой, со светлыми волосами, которые она убрала под чёрную сетку. На руках у неё были две книги: рабочий текст и маленькая тетрадь, обтянутая синей тканью. Она несла их бережно, но не как чужие драгоценности. Так несут вещи, без которых завтра придётся начинать работу сначала.

— Гарольд прав? — спросил Роуэн.

— Гарольд всегда прав после того, как произнесёт своё мнение достаточно громко.

— О строке.

Она посмотрела на него внимательнее.

— У пьесы есть сказанный текст и текст, который слышат с колосников. Между ними бывает расстояние. До премьеры мы его уменьшим.

Роуэну понравился точный ответ. Милдред увидела это и, кажется, пожалела, что дала ему повод продолжать разговор. Она простилась, не назвав своего имени: он знал его из программки.

Глава 3

Двенадцать причин остаться

Вечером в кафе напротив театра накрыли длинный стол. За ним должны были сидеть люди, без которых «Меридиан» не откроется, и те, без кого он, возможно, открылся бы спокойнее. Слоун прибыл последним, хотя первым попросил всех явиться к семи. Вивиан Марш поставила рядом с ним свободный стул для Сесила Ардена, автора пьесы. Арден пришёл ещё позже, с дорожным чемоданчиком, словно готов был в любой момент доказать, что лишь проездом.

Роуэн сел на краю. Ему было неловко участвовать в чужом рабочем ужине; Элис убедила, что место оплатил попечительский совет как благодарность за его помощь в организации архива театра. Он помог разобрать старые афиши, что не было ложью, но не могло объяснить особой заботы Фенвика о его присутствии.

За столом разговор двигался по отдельным парам. Эдвард Мэллори, художник декораций, убеждал Вивиан, что серые стены задуманы серыми, а не просто не успели быть окрашены. Перси Нокс, бутафор, разыскивал небольшую латунную подпорку от старого пюпитра. Она нужна была не на сцене, а в складской описи; исчезновение одной вещи портило число, а не спектакль. Хью Ларк пообещал поискать утром и попросил не поднимать из-за этого весь склад.

У дальней стены Клара Мейсон перелистывала тонкую

тетрадь. Клара была дублёром Лилиан и пришла на ужин в том же платье, в каком час назад подавала на сцену плащ. Роуэн видел, как она быстро закрыла тетрадь, когда Лилиан подошла за стаканом воды. Та ничего не заметила. Роуэну показалось, что Клара не столько скрывала запись, сколько берегла её от чужой оценки.

Дэвид Крейн и композитор Адриан Белл спорили о длине музыкального перехода. Дэвид показывал восемь пальцев, потом два, потом чертил на салфетке горизонтальную линию. Белл улыбался, но улыбка не была согласием.

— Вы можете сыграть восемь тактов тише, — сказал Дэвид, — но не можете утверждать, что их нет. У меня свет связан с концом фразы.

— Отрежу их до начала прогона. Партитура моя.

— Часы не ваши.

— Световые часы не висят на стене, — ответил Белл. — Они у вас в ухе.

Лилиан, проходившая мимо, едва заметно коснулась локтя композитора. Дэвид замолчал. Томас увидел этот жест и отвёл взгляд: частная близость среди людей за общим столом не становилась его делом оттого, что он инспектор.

Рядом с Элис сидел Фенвик. Он расспрашивал о стоимости будущего обслуживания здания так подробно, что она наконец спросила, собирается ли попечительство сохранить театр на ближайшие годы.

— Пока публика согласна платить за места, — ответил он.

— Тогда стоимость дверных доводчиков будет меньше вашего годового расхода на отопление.

— Вы умеете превращать любой вопрос в вопрос о дверях, миссис Грей.

— Только когда он такой и есть.

Уикем ужинал почти молча. Он отодвинул рыбу, съел хлеб и дважды смотрел в сторону Ардена. Драматург не отвечал взглядом, хотя однажды они оказались достаточно близко, чтобы говорить без свидетелей. Роуэн заметил, как Гарольд положил ладонь на внутренний карман пиджака. Там что-то лежало, из-за чего пиджак чуть оттопыривался: узкая тетрадь или сложенные листы.

Когда подали чай, Гарольд встал. Вивиан подумала, что он произнесёт тост. Он сказал только, что завтра после прогона желает поговорить с попечителями при всех занятых в пьесе. Фенвик поинтересовался темой. Гарольд ответил, что тема касается имени на афише.

Арден уронил ложку. Это услышали все, потому что перед тем внезапно замолчал Адриан Белл. Вивиан наклонилась к Гарольду и попросила отложить разговор до премьеры.

— Именно до неё, — сказал Уикем. — Позже будет казаться, будто мы воспользовались успехом, чтобы устроить скандал.

— А если успеха не будет? — спросила Клара.

Гарольд впервые за ужин улыбнулся.

— Тогда нам останется только правда.

Слоун потребовал, чтобы разговоры о правде подождали, пока актёры научатся выходить по той двери, которую он им указал. Он произнёс это как шутку. Милдред Эш, сидевшая с краю стола, не засмеялась. Она аккуратно отодвинула чашку от своих двух книг, чтобы на обложку не попала капля.

Глава 4

Старое имя

Наутро Роуэн пошёл в театральный архив раньше начала работ. Он обещал Элис принести снимок старого фойе: фотография могла помочь решить, где стояли первоначальные перила. Архив занимал комнату над кассой. В ней пахло клеем, картоном и свежим известковым раствором. Рабочие ещё не поставили постоянные шкафы, поэтому пачки афиш лежали по годам прямо на столах.

Самый старый альбом оказался тяжелее, чем предполагал Роуэн. Между фотографиями вклеили газетные вырезки. На одном снимке небольшая группа актёров стояла перед сценой, которой больше не было. Лица смотрели прямо в объектив с той серьёзностью, какая позже перешла к школьным выпускникам. Подпись называла среди них Молли Харт и Розу Харт. Роза была совсем молодой. Молли держала её за плечо, но смотрела не в камеру, а на открытую дверь за фотографом.

— Вам нужен этот год? — спросил кто-то от входа.

Клара Мейсон несла под мышкой тетрадь, знакомую по ужину. Роуэн показал на перила в углу снимка.

— Нужны они. Театр здесь изменился больше, чем я ожидал.

— Некоторые думают, что недостаточно.

Она поставила тетрадь на другой стол и подошла. Снимок

её заинтересовал, но не удивил. Она знала альбом.

— Роза Харт погибла при пожаре, — сказала Клара. — У нас до сих пор спорят, сколько ей было лет. Газета написала двадцать один. В её старой карточке стоит девятнадцать.

— А Молли?

— Уехала. Или просто перестала играть. Здесь про неё ничего после того года.

Роуэн не попросил объяснить, почему Клара знает карточку Розы. Актёр, изучающий историю роли, порой ищет собственное оправдание там, где другой нашёл бы только чужую биографию. Клара перевернула снимок и показала ему штамп фотографа.

— Если Элис нужен более чёткий отпечаток, мастерская ещё существует. Её держит внук.

За дверью раздались шаги. Клара быстро закрыла альбом и придвинула тетрадь к себе. Вошёл Сесил Арден. Он был без чемоданчика, но в том же дорожном пальто. Увидев фотографию, он не подошёл.

— Режиссёр ищет актёрские экземпляры, — сказал он Кларе. — После вчерашнего я хочу сверить текст.

— Мой у меня, — ответила она.

— Это я вижу.

Арден протянул руку. Клара не дала ему тетрадь. Он не настаивал. Глядя на её пальцы, Роуэн понял: тетрадь была не экземпляром пьесы, а переписанными от руки репликами, возможно, с вариантами, которых в печатном тексте уже не

было.

— Вы автор, мистер Арден, — сказал Роуэн. — Разве у вас нет собственного экземпляра?

— У автора их слишком много, мистер Роуэн. Ни один не похож на тот, который теперь играют.

— Это плохо?

— Для автора всегда. Для зрителя — не обязательно.

Арден улыбнулся с усилием. Он попросил передать Слоуну, что придёт на полуденную репетицию, и вышел. Клара подождала, пока шаги стихнут.

— У него есть собственный экземпляр, — сказала она. — Он хочет знать, какой из нас видит старую строку.

— Вы видите?

— Я записываю всё, что слышу на репетиции. Если строку убирают, я не вырываю страницу.

Роуэн взял нужный снимок для Элис. Оставшись один, он вернулся к подписи в альбоме. Почерк архивиста был ровным, чернила коричневыми. Одно имя показалось ему знакомым не по фотографии. Где он его видел, Роуэн вспомнить не смог.

Глава 5

Дверь на старом плане

Элис разложила на столе в фойе три чертежа: первоначальный, сделанный через год после пожара и новый, подписанный ею. Томасу понадобилось время, чтобы сопоставить их. Стены на каждом выглядели почти одинаково. Изменились только линии, по которым человек мог выйти.

— Здесь была красильня, — сказала Элис, положив ладонь на тёмное пятно старой копии. — Теперь это склад для электрического оборудования. Пожар обнаружили поздно. Служебную дверь на улицу тогда держали на цепи. В отчёте сказано, что её запер погибший машинист: боялся, что через неё будут пробираться без билета. Его самого нашли у другого выхода.

— Он не мог объяснить, зачем запер, — заметил Томас.

— И почему цепь была снаружи его смены. После пожара её сняли, но дверь заложили кирпичом. Город счёл это безопаснее.

Томас видел подобные решения: путь, однажды не сработавший, уничтожают, вместо того чтобы спросить, почему им не воспользовались правильно. Элис раскрыла новый план. Дверь восстановили не в точности прежней: лестницу расширили, защёлку убрали, а край ступени выделили светлой полосой. Возражений со стороны строительного надзора не было. Возражал попечитель Фенвик, потому что новая

лестница заняла часть кладовой.

— Где в это время находилась седьмая кулиса? — спросил Роуэн.

— Почти там же, что теперь. Но кулиса — полотнище, не комната. Она может ездить по направляющей. Люди говорят «за седьмой», будто это адрес.

Роуэн попросил показать ему дорожку актёра. Элис обвела карандашом путь от сценической двери до бокового прохода, где Уикем должен был сменить плащ. Первые шаги проходили за полотнищем; затем человек пересекал узкий коридор. Дальше была служебная створка, которую Хью закрывал перед последней сценой, чтобы не тянуло на декорации. Запертое помещение оставалось за ней. Место смены плаща — перед ней.

— Если дверь закрыта, он всё равно может оказаться за кулисой, — сказал Роуэн.

— Конечно. Но не дойти до старого склада. Почему вы спрашиваете?

— Потому что вчера все говорили, что Гарольд исчез за запертой дверью. Я пытаюсь понять, что они на самом деле видели.

По лестнице спустился Эдвард Мэллори. У него на локте висели полотняные ленты, которыми крепили сценическую стену. Он не скрывал, что слышал последние слова.

— Актёры выходят за кулису, потому что на ней номер, — сказал он. — Дальше их ведут метки на полу. Если чер-

тёж потребует от них думать, где настоящая дверь, спектакль закончится к полуночи.

— Я не прошу их думать об этом на сцене, — ответила Элис. — Я прошу вас не закрывать метки новой краской.

Эдвард показал ладони. На пальцах у него были синие и серые пятна.

— Сегодня ничего не крашу. Вчера приняли декорации. Завтра придёт попечительский совет, и, если они увидят старую фанеру под новым холстом, я снова услышу про смету.

Элис посмотрела на него. Приёмочный лист на декорации подписали ещё до того, как рабочие закончили последнюю стену. Сумма там была выше согласованной. Она знала это, но театр не был её заказчиком в части сценографии. Эдвард принял взгляд за предупреждение.

— Никакая стена не упадёт, — сказал он. — Я проверил крепления сам.

— Проверка не стирает неправильной даты на бумаге, мистер Мэллори.

Он бросил ленты на стул и пошёл дальше, не ответив. Томас спросил, собирается ли Элис сообщить об этом Вивиан. Она сказала, что уже сообщила письменно; ответ был обещан после премьеры. Любой в театре умел откладывать неприятную правду на день, когда занавес благополучно опустится.

Слова, которых нет в афише

Гарольд Уикем ожидал Милдред Эш в маленькой комнате для переплёта программ. Когда она вошла, он сидел у стола и не делал вид, что зашёл случайно. Перед ним лежала потрёпанная тетрадь в синей обложке. Милдред остановилась у двери.

— Вы взяли её из моей будки?

— Я нашёл её пятнадцать лет назад. Эту, не вашу. Ваша новая.

Он перевернул тетрадь корешком к ней. На внутренней стороне обложки было написано имя Розы Харт. Милдред не приблизилась. При виде почерка она изменилась меньше, чем при виде самого предмета: бледность пришла к лицу только тогда, когда Гарольд открыл середину.

— Вы сказали, что она потеряна.

— Я сказал, что не дам её Ардену. Это я и намерен исполнить.

— Но вы собираетесь показать её всем остальным.

— Страницы о пьесе. О пожаре — только тем, кто обязан их прочесть.

Милдред едва заметно улыбнулась. Публичный человек всегда обещает разделить частное и общее. Он не может ругаться за тех, кто встанет за ним с блокнотом.

— На афише стоит его имя, — сказала она.

— Это вы можете исправить без меня. Назовите своё прежнее имя. Скажите, где начинается ваш текст, а где Розин. Я помогу вам обратиться в газету.

— Вы помогаете мне или ей?

— Ей уже не помочь. Вам ещё можно.

Она отошла от двери и закрыла её. Не для того, чтобы разговор стал тайным: в коридоре всё равно слышали бы повысившийся голос. Она не хотела, чтобы кто-то вошёл, приняв паузу за приглашение.

— Вы не знаете, что именно она записала в ночь пожара.

— Я прочёл.

— Читать пятнадцать лет спустя легко. Она писала в испуге и могла ошибиться.

— Тогда скажите это, когда люди смогут задать вам вопросы.

Милдред смотрела на тетрадь. У Гарольда хватило совести не пододвинуть её ближе. Он был настойчивым человеком, иногда не замечавшим, как его настойчивость превращается в давление. Но он понимал, что перед ним не театральная правка.

— Я могу отложить выступление до утра, — сказал он. — Не дальше. Фенвик готовит решение о продаже. Как только оно станет известно, любое слово о старом пожаре объявят попыткой сорвать сделку.

— А разве вы не хотите сорвать сделку?

— Хочу, если ради неё снова продадут чужое имя.

Она потянулась к тетради, но остановила руку, не дотрогнувшись. Гарольд закрыл её.

— Завтра после прогона, — сказал он. — Вы можете стоять рядом. Вы можете начать сама.

— Вы говорите так, словно оставляете мне выбор.

— Он остаётся, даже если вам не нравится ни одна сторона.

Она вышла с пустыми руками. На площадке за дверью стоял Перси Нокс с коробкой пуговиц. Он машинально отступил, пропуская её, и увидел, что пальцы Милдред сжаты так сильно, что ногти оставили белые полумесяцы. В комнате Перси встретил Уикема, который прятал синюю тетрадь во внутренний карман.

— Я не слушал, — сказал Перси.

Гарольд посмотрел на закрытую дверь.

— Вам и не следовало.

Перси пришёл спросить о латунной подпорке. Уикем не видел её. Обоим показалось, что вопрос слишком мал для этой комнаты, но Перси не мог искать вещь, не спрашивая. Он записал отрицательный ответ в опись и вышел. Позднее этот короткий разговор окажется важнее всего, что он услышал за дверью.

Глава 7

Восемь тактов

Адриан Белл принёс на дневную репетицию новую партитуру. На первой странице третьей сцены он перечеркнул восемь тактов и написал сверху «без повтора». Дэвид Крейн стоял рядом, пока он объяснял оркестрантам изменение. Крейн попросил карандаш и сделал такую же помету в световой ведомости.

— Синий сразу после фразы флейты? — переспросил он.

— После неё, — сказал Адриан. — Флейта не меняется. Исчезает то, что было между ней и выходом Гарольда.

— Тогда свет придёт раньше.

— Мы вчера об этом говорили.

— Вчера вы сказали, что подумаете.

Адриан оглянулся на Лилиан. Она поправляла ворот костюма и делала вид, что спор её не касается. Он уступил лишь в одном: попросил сыграть новый переход дважды, чтобы Дэвид проверил момент. Крейн согласился. Он был точен в своей работе, но время измерял не секундной стрелкой. С начала музыки до синего света было столько-то фраз, а не столько-то минут.

Хью Ларк пришёл с толстым режиссёрским экземпляром и списком задач. Он напомнил, что в вечернем прогоне перед третьей сценой закроет дверь старого склада в двадцать часов девять минут, как просила Элис. Воздух из помещения

шёл прямо на лёгкую стену, которую Эдвард ещё не успел окончательно укрепить. Хью показал всем маршрут через новый пожарный выход и подчеркнул: закрытие склада не означает закрытия пути со сцены.

— Мне нужно, чтобы эта дверь оставалась открытой до моего ухода, — сказал Уикем.

— Ваш плащ висит перед ней. Даже если она заперта, вы до него дойдёте.

— Я говорил о двери после плаща.

— Зачем вам старый склад?

Уикем не ответил. Слоун решил, что актёр хочет найти там уединение в антракте, и попросил не усложнять вечер. Хью сделал на полях отметку: «20.09 — склад. Седьмая свободна». Это были не слова пьесы, и поэтому они не попали в экземпляры актёров.

В суфлёрской будке Милдред слышала разговор, не поднимая головы. Она держала мягкий карандаш и стирала слово в своей книге. Сначала она написала другую строку на полях; потом, решив, что край листа слишком заметен, перенесла её поверх печатной. Резинка сделала бумагу шероховатой. Милдред прикрыла страницу ладонью, когда Клара Мейсон подошла к будке.

— Можно сверить мои реплики? — спросила Клара.

— После прогона. Сейчас мне надо отметить музыкальные изменения.

— У меня запись со вчерашнего вечера. Слоун снова хо-

чет переставить уход?

— Он хочет, чтобы Гарольд перестал спорить о нём.

Клара не возражала. Она считала Милдред самым надёжным человеком за сценой. Суфлёр не делил людей на звёзд и замену, не сердился за забытое слово, а после спектакля не напоминал, кому помог. Клара не знала, сколько усилия иногда требуется, чтобы быть таким человеком. Милдред дождалась, пока она уйдёт, и записала новую реплику ещё раз. На этот раз достаточно крупно, чтобы прочесть в полутьме.

Чуть позже Роуэн заглянул в оркестровую яму. Он хотел услышать, как выглядит новый переход, потому что вчерашний уже не совпадал с тем, что описывала программка. Адриан отмахнулся от точного времени.

— Если вы спрашиваете, когда море станет синим, то после флейты. Если спрашиваете, сколько будет на часах, спросите у Хью. Я не ставлю метроном на городскую башню.

Роуэн улыбнулся. В зале слова композитора прозвучали бы как шутка о театральной свободе. Внизу было видно, что он просто защищает свой способ работать. Ни один из них не заметил, как Милдред за суфлёрской решёткой закрыла книгу прежде, чем из соседнего прохода подошёл Уикем.

Глава 8

Часы у рабочей двери

После дневного прогона Хью велел всем, кто работает за сценой, проверить свои часы. В прошлую неделю костюмерка опоздала на смену декорации, потому что настенный циферблат в её комнате шёл медленнее, чем часы у пульта. Слоун назвал это недостатком дисциплины. Хью купил недорогие часы для служебного прохода и попросил Дэвида сверить их с часами на площади. Тот ответил, что проверить может, но во время спектакля всё равно будет действовать по музыке.

— Мне нужны часы не для света, — сказал Хью. — Мне нужно знать, когда закрывать склад и кого после этого искать с ключом.

Перси пришёл с пиджаком Уикема на руке. Актёр оставил его на примерке, и в карманах звенели мелкие монеты. Перси хотел повесить вещь так, чтобы никто не решил, будто пропавшую монету можно списать на реквизит. Он выбрал крючок у гримёрной, на виду у проходящих. Хью заметил, что крючок слишком близко к дороге, по которой будут носить лестницу. Они переставили лестницу, не пиджак. В театре маршрут одной вещи часто определялся тем, где уже находилась другая.

Клара слушала разговор с тетрадью в руках. Ей поручили стоять у правого выхода во время генерального прогона, ес-

ли Лилиан понадобится замена. Клара попросила Хью показать, как оттуда добраться до суфлёрской будки, не пересекая сцены. Он провёл её через узкий проход за полотнищами. Путь был длиннее, чем казался из зала, и заканчивался у боковой створки будки. Милдред открыла её изнутри, услышав шаги.

— Если она забудет строку, подскажите раньше, чем я добегу, — сказала Клара.

— Так и должно быть, — ответила Милдред. — Ваша задача не спасать чужую память, а быть готовой к своей роли.

Клара поблагодарила. Хью улыбнулся: суфлёр редко выговаривал дублёру за желание помочь, но сейчас Милдред была права. Клара записала расстояние в тетрадь. Позднее ей предстояло рассказывать полиции, почему она не могла оказаться у левой кулисы сразу после изменённой строки. Пока запись была только практической пометой: «до будки длинный обход».

Элис вошла в проход с рабочим фонарём, который просила поставить у ступени. Он давал узкую полосу света вдоль края и не освещал сцену. Дэвид предложил выключать его на время синего перехода; иначе цвет может казаться грязным. Элис отказалась. Они проверили из зала: полосы никто не видел, пока полотнище висело ровно. Если сдвинуть его к стене, свет появлялся у нижнего края. Эдвард пообещал закрепить ткань коротким зажимом и подписал своё обещание на листе Хью.

Роуэн наблюдал за этими переговорами со стороны. Каждый участник знал свой кусок минуты: осветитель — свет, бутафор — пиджак, дублёр — обход, архитектор — ступень, помощник режиссёра — ключ. Никто не составлял для себя полный путь Гарольда, потому что этот путь был частью сцены, а не угрозой. Когда Хью объявил, что склад закроется по часам, Милдред спросила лишь, останется ли проход к плащу свободным. Хью ответил: останется. Вопрос был естественным для суфлёра, который обязан знать, где появится актёр после ухода. Поэтому никто его не запомнил как предупреждение.

Перед вечерним прогоном Хью закрепил новые часы у рабочей двери. Стрелки показывали время точно. Он задержался, чтобы убедиться, что минутная не цепляет стекло, затем пошёл за своим экземпляром пьесы. За спиной на сцене Адриан снова играл фразу флейты, теперь без восьми тактов после неё. Хью отметил звук, но не посмотрел на часы. Он не предполагал, что скоро ему придётся объяснять, почему один сигнал верен, а другой — только привычен.

Глава 9

Прогон для пустого зала

Вечером журналистов не пустили. Генеральный прогон объявили закрытым, и к восьми часам в зале осталось меньше десятка зрителей: Роуэн, Грей, попечитель, продюсер и несколько работников, не занятых в сцене. Вивиан Марш дважды пересчитала приглашённых. Она боялась не тайного посетителя, а лишней газетной заметки о том, что репетиция снова затянулась.

Слоун попросил играть без остановок. Уикем кивнул, но Роуэн видел, что тот ещё не забыл разговор с Милдред. Он держал пиджак поверх костюма до самого выхода и передал его Перси Ноксу только за минуту до третьей сцены. Перси повесил пиджак на крючок у гримёрной. Он не проверял карманы.

Лилиан Верн вышла на сцену ровным шагом. В первом действии она ошибалась дважды; сейчас слова возвращались к ней без усилия. Клара сидела в боковом проходе с тетрадью на коленях, готовая заменить её в случае болезни, хотя в театре никто не ожидал болезни во время одного прогона. Лилиан заметила Клару и показала ей едва заметный знак: указательный палец у губ. Это было не предостережение молчать, а их частный знак удачи перед трудной сценой. Клара улыбнулась, прежде чем снова сделаться серьёзной.

В восемь минут девятого на сцене зажгли настольную лам-

пу. Роуэн посмотрел на часы не ради пьесы, а потому что Томас рядом тихо сказал Элис: «Если задержатся, мы пропустим последний поезд». Элис ответила, что можно переночевать в гостинице и уехать утром. С этой точки в памяти Роуэна началось отдельное время, не зависящее от музыки.

Лилиан произнесла прежнюю реплику о доме. Гарольд сделал шаг к серой раме. Должны были прозвучать слова о приливе, затем короткий обмен и только потом его уход. Вместо этого Лилиан остановилась. Роуэн видел, как её взгляд скользнул к тёмной решётке слева. Голос Милдред не долетел до восьмого ряда как целая фраза; он долетел как несколько согласных, после которых Лилиан произнесла отчётливо:

— Фонарь уже горит.

Гарольд повернул голову. Пауза длилась меньше секунды. Он ответил своим следующим словом, которого Роуэн не знал наизусть, и ушёл за седьмую кулису. Музыка поднялась сразу за ним. Белые стены стали синими.

— Быстрее, — сказала Элис почти беззвучно. Она говорила о переходе цвета, не о шаге актёра.

В проходе у стены Хью Ларк поднял фонарь с закрытым стеклом и вышел за сцену. Его обязанность заключалась в том, чтобы закрыть старый склад по часам и проверить, свободен ли коридор. На стене внизу висели большие часы. Хью сверился с ними перед уходом. Позже он был готов поклясться, что сделал это в девять минут девятого. Никто в зале не

видел циферблата.

Следующая сцена продолжалась. Лилиан сказала два предложения в сторону двери. Из оркестровой ямы ответила виолончель. Клара успела записать на краю тетради слово «уже» и обвести его. Печатный текст у неё начинался иначе. Она намеревалась спросить после прогона, утверждена ли правка, потому что дублёр не может выйти на сцену с памятью о вчерашнем спектакле.

Милдред вернулась к следующей подсказке вовремя. Она видела в узком зеркале часть сцены и склонённую голову Лилиан. Голос её был таким же ровным, как днём. Лишь когда Слоун велел начать последний монолог, она положила карандаш не на страницу, а поперёк открытой книги. Эта мелочь не указывала на вину; утомлённый человек мог сделать то же самое. Но она запомнилась Кларе, пришедшей спросить о строке.

— После, — сказала Милдред, прежде чем Клара успела открыть рот.

Из-за седьмой кулисы никто не вышел.

Глава 10

Тяжесть, которая не падала

Первым искать Уикема пошёл Перси Нокс. Актёр должен был вернуться в другой одежде, но на крючке оставался плащ, приготовленный для его следующего появления. Перси подумал, что Гарольд спорит с Хью о складе. Он вышел за седьмую кулису и нащупал стену там, где обычно висел маленький рабочий фонарь. Фонарь горел, но заслонённая декорацией полоска света не попадала в зал.

Гарольд лежал на полу у деревянной рамы. Рядом лежал сценический груз, обёрнутый войлоком, чтобы не стучать при перестановке. Перси остановился так резко, что ударил плечом полотнище. Оно качнулось, и свет на мгновение показал лицо актёра. Перси не стал трогать его. Он окликнул Хью и побежал за врачом, жившим через площадь.

Хью пришёл с ключом от старого склада. Он увидел груз, затем поднял глаза к креплению над проходом. Верёвка там оставалась натянутой. Петля, которая удерживала груз в обычном положении, не оборвалась. Хью хотел сказать это вслух, но в узкий проход уже входил Слоун, за ним Лилиан и Вивиан. Он отвёл их назад, чтобы не затоптали пол.

— Он упал? — спросила Лилиан.

— Не знаю. Не подходите.

Слоун закричал, чтобы все оставались на своих местах. На сцене ещё звучала музыка; оркестранты не сразу поняли, что

приказ относится к ним. Адриан оборвал пьесу на половине фразы. Тишина после неё была гораздо громче.

Роуэн и Томас встретились у прохода. Томас уже снял пиджак, собираясь накрыть плечи Лилиан, но та отказалась. Он сказал Слоуну послать за местной полицией и врачом, хотя Перси уже сделал второе. До приезда врача Томас не позволил никому переносить Гарольда. Роуэн остался у края полотнища и не заглянул в проход, пока Хью не пригласил его. К тому времени ему было достаточно ясно, что дружеское любопытство закончилось.

Элис вывела Лилиан в освещённое фойе. Та села на скамью и вдруг спросила, правильно ли произнесла строку. Элис подумала, что женщина ищет в своей ошибке причину несчастного случая.

— Вы произнесли то, что слышали, — ответила она.

— Я не помню, слышала ли от Милдред целиком. Только начало. Гарольд ушёл, значит, решил, что так надо.

Врач прибыл за десять минут. Он побыл за кулисой недолго, вышел к Томасу и покачал головой. Точного времени смерти он не назвал. Сказал, что удар мог быть нанесён до того, как актёра нашли, а положение груза само по себе ничего не доказывает. Томас попросил не говорить об аварии как о решённом деле.

Дверь склада была заперта. Хью показал ключ и настенные часы, по которым он её закрыл. Вивиан сразу ухватилась за эту простую последовательность: Гарольд ушёл после си-

него света, затем Хью запер дверь, затем его нашли. Если несчастье случилось за запертой дверью, значит, он оказался там один.

— Он лежал до двери, — сказала Элис. — В месте, до которого можно дойти из будки и со сцены.

— Но он вошёл туда после света, — возразил Слоун. — Свет был в десять минут.

— Откуда вы знаете? — спросил Роуэн.

Режиссёр посмотрел на него, как на человека, не знакомого с расписанием собственного вечера.

— Так записано в ведомости.

— Ведомость показывает, когда свет должен был появиться. Я спрашиваю, кто видел часы.

Ответить не смог никто из стоявших рядом. Роуэн не настаивал. В кабинете Хью остался экземпляр, на его полях — настоящий час закрытия. Клара держала тетрадь с новым словом. А рядом с мёртвым актёром лежал предмет, который никто ещё не осмотрел как следует. Каждый из них по отдельности выглядел обычной частью театра. Вместе они уже не составляли несчастный случай.

Глава 11

Инспектор из Ледвика

Местный инспектор Джордж Хэвилл явился с двумя констеблями и не обрадовался, увидев у места смерти другого инспектора. Томас представился, назвал свой округ и объяснил, почему оказался в зале. Он не предложил помощь раньше, чем Хэвилл успел спросить о ней. Когда спросил, Томас ответил, что может восстановить свидетельские показания, пока люди ещё помнят порядок сцен. Хэвилл согласился, но попросил оставить осмотр его службе.

Роуэну он отвёл роль зрителя. Это было справедливо. Роуэн сел в пустом фойе рядом с большой вазой для зонтов, которые никто не решился забрать домой. Через стекло кассы было видно, как по площади бегут редкие прохожие. Театр светился всеми окнами. В такой час он скорее напоминал учреждение, где разбирают последствия представления, чем место, где его готовят.

Элис подошла с планом. Она уже показала Хэвиллу, что новый выход свободен и что место, где нашли Уикема, находится перед запертой створкой. Инспектор поблагодарил, но попросил не делать из архитектурного факта вывода о преступлении.

— Он прав, — сказал Роуэн.

— Я и не делала. Я только не хочу, чтобы город снова повторил о запертой двери то, что повторял пятнадцать лет.

— Слышала, как Слоун назвал время синего света?

— Он сказал «без десяти девять». Я говорю «синий свет» и сама вижу часы, хотя не видела.

— А на самом деле?

— Я слышала твой разговор с Томасом о поезде до музыки. Посмотрела на наручные часы, когда лампа на сцене зажглась. Было восемь минут девятого. Но на выход Гарольда я не смотрела. Я следила за ступенью.

Элис сказала это без оправдания. От свидетеля не требуется видеть то, за чем он не наблюдал. Роуэн предпочёл её ограниченную уверенность полной картине, которую уже составлял Слоун.

Хэвилл вернулся из-за кулис. Он попросил Элис оставить план, а Роуэна — вспомнить точные слова Лилиан перед уходом Уикема. Роуэн повторил: «Фонарь уже горит». Хэвилл записал и спросил, почему эта фраза важна.

— Потому что днём она сказала другое, — ответил Роуэн.

— Или должна была сказать другое. У меня нет экземпляра.

— У актёров тексты меняются каждую минуту.

— Да. Но только некоторые строки меняют минуту выхода.

Хэвилл не стал спорить. Он велел констеблю собрать все экземпляры третьей сцены, не позволяя никому «исправлять» их после прогона. Вивиан немедленно возразила, что без текстов завтрашняя репетиция невозможна. Хэвилл сказал, что пока не знает, будет ли завтрашняя репетиция.

Томас привёл Хью. Тот устал и злился на себя за то, что десять минут назад думал о сквозняке, пока человек лежал в двух шагах от его маршрута. Он показал место, где закрыл склад, и объяснил, почему не увидел тело: повернул к двери со стороны рабочей лестницы, а седьмая кулиса закрывала пол у рамы. Днём Элис предупреждала, что за длинным полотнищем остаётся слепой угол. Хью решил, что лампы достаточно.

— В девять минут я был у двери, — сказал он. — Затем вернулся по наружному проходу. Когда зажёгся синий свет, я уже прошёл мимо будки.

— Вы помните свет после того, как закрыли дверь? — спросил Хэвилл.

Хью задумался.

— Нет. Я помню свет сквозь ткань, пока шёл к двери. Значит, до того. Но по расписанию он был позже. Я не думал об этом до вашего вопроса.

Хэвилл зачеркнул одно слово в своей записи, не показывая его другим. Свидетель исправил себя прежде, чем кто-либо предложил ему удобный ответ. Это не делало его показание истинным во всём, но давало ему цену.

Глава 12

Две версии одной минуты

На столе в репетиционной комнате собрали девять экземпляров пьесы. Два принадлежали актёрам, остальные — службам, которым нужны были не слова, а действия при словах. Хэвилл разложил их по владельцам. Слоун стоял над столом так, словно полицейский разбирал его личные письма.

В режиссёрском экземпляре Хью перед уходом было напечатано: «Они зажгут фонарь, когда придёт прилив». Далее шёл обмен в четыре реплики. После последней на полях стояла стрелка: «Уикем к седьмой». В экземпляре Клары рядом с тем же местом карандашом записали «фонарь уже горит», но стрелка осталась у прежней строки. У Лилиан печатный текст не был исправлен. Она сказала, что в полумраке услышала подсказку Милдред и подумала, будто Слоун утвердил правку во время перерыва.

— Я не спрашиваю, кто виноват в ошибке на сцене, — сказал Хэвилл. — Я спрашиваю, откуда появилась фраза.

Милдред показала свою книгу. Страница была чиста, кроме едва заметной серой полосы на месте одной строки.

— Я подсказала начало, — сказала она. — Лилиан могла закончить иначе. У меня здесь прежний текст.

— Почему вы стирали?

— Слоун попросил не трогать строку. До этого я записала

другой вариант. Я стёрла его днём.

Слоун подтвердил, что велел оставить уход прежним. Он не мог сказать, видела ли Милдред его после ухода Гарольда: суфлёрская будка оставалась вне его поля зрения, когда он сидел в зале. Хэвилл забрал все книги, пообещав вернуть копии текста для работы, если будет решено продолжать.

— Если она подсказала новую строку, — сказал Томас, когда они остались с Хэвиллом, — Гарольд ушёл по ней. Но она была раньше по пьесе, не обязательно раньше по часам. Музыка могла растянуть сцену.

— Я спрошу композитора, — ответил Хэвилл. — Врач уточнит промежуток.

Роуэн попросил минуту с черновой партитурой. Адриан Белл, сидевший у окна, сразу показал, какие восемь тактов вычеркнул. Он не попытался скрыть сокращение: напротив, считал его единственной удавшейся переменной за два дня.

— Сколько времени занимал пропущенный кусок? — спросил Хэвилл.

— Зависит от музыкантов. Две минуты, если не спешат. Минута сорок, если Слоун топает ногой.

— Вы сказали Дэвиду?

— При всех. Он отметил у себя.

Дэвид принёс ведомость. У синего света стояли две записи: печатное «20.10» и карандашное «после флейты, без повтора». Он объяснил, что старую цифру не зачеркнул, поскольку она обозначала время, рассчитанное в первоначаль-

ной репетиции. Для работы он слушал флейту. Его палец всё ещё был испачкан синей краской от переключателя, которым обозначали эту часть сцены.

— Значит, вы могли включить свет в восемь минут? — спросил Хэвилл.

— Я не смотрел на часы. Если музыка короче, конечно, мог.

Слоун снова заговорил о расписании. Хэвилл поднял руку. Цифра в ведомости больше не была свидетельством о минуте. Томас достал маленький блокнот и нарисовал две линии: одна — что было предписано, другая — что люди совершили. Пока они почти совпадали. Лишь одно слово и восемь тактов отводили их друг от друга.

— Мы всё равно не знаем, кто был у Гарольда, — сказал Хэвилл.

— Пока нет, — ответил Томас. — Зато знаем, что закрытая дверь не исключает встречу до неё.

Роуэн думал о другом. Милдред объяснила стёртое слово до того, как полиция установила, что музыкальный переход был сокращён. Она могла действительно исправлять книгу после дневного приказа Слоуна. Но тогда почему Лилиан слышала именно стёртую фразу вечером? Этот вопрос зависел не от того, что можно увидеть на бумаге, а от того, сколько раз человек успевает произнести одно и то же прежде, чем стирает.

Пропавшая подпорка

Перси Нокс показал Хэвиллу склад. В ящиках лежали бутфорские письма, безопасные бокалы и старые ручки от мебели, слишком красивой, чтобы выбрасывать её целиком. Полки были подписаны его аккуратным почерком. Он сначала заявил, что всё на месте, потом признал отсутствие латунной подпорки, о которой спрашивал за ужином.

— К чему она крепилась? — спросил Хэвилл.

— К пюпитру. Тяжёлая ножка с винтом. Пюпитр давно сломан, ножка осталась для описи. Я обнаружил пропажу вчера утром.

— Почему не сообщили сразу?

— Потому что год назад меня уже предупреждали за недостатку. Тогда пропали две серебряные ложки, а потом выяснилось, что Вивиан забрала их для фотографии. Предупреждение из дела никто не вынул.

Хэвилл записал. Томас не стал говорить, что незначительная вещь теперь могла быть орудием убийства. Перси и так понял по тому, как инспектор осмотрел его руки.

Груз, лежавший рядом с Уикемом, принадлежал сценическому набору, которым удерживали полотнища при перестановке. Он был тяжёл, но обёрнут войлоком. Хью утверждал, что груз не мог упасть сверху: страховочная петля оставалась целой, а путь падения был бы иным. Эдвард Мэллори

показал крепление и нехотя согласился. Перси добавил, что утром груз стоял у стены, а не висел. Слоун же объявил, что ничего не помнит о его положении, поскольку режиссёр не обязан знать каждую сценическую деталь. Он сказал это раздражённо; Роуэн не стал считать раздражение ложью.

В будку Милдред Хэвилл вошёл вместе с констеблем. Узкое пространство вмещало столик, лампу, два табурета и полку для книг. Сбоку была низкая створка к левому проходу сцены. От неё до седьмой кулисы — меньше пятнадцати шагов. Констебль прошёл их, вернулся и сообщил: без бега требуется чуть больше двадцати секунд. Если за кулисой темно, больше.

— Сюда заходил кто-нибудь во время прогона? — спросил Хэвилл.

— Клара подошла к двери, — сказала Милдред. — После того, как Гарольд ушёл. Она спросила о строке.

— Сколько вы говорили?

— Два слова. Я сказала: «После прогона».

Клара подтвердила. Она видела Милдред за столом, но не смогла сказать, сколько минут прошло с ухода Гарольда. Ей казалось, что одна. Возможно, две. Её заботила собственная тетрадь.

Констебль осмотрел полку. Там лежали нитки, резинки, две запасные лампы и коробка со скрепками. Под столом стоял пустой ящик от пюпитра. Милдред объяснила, что пюпитр сломался неделю назад и она попросила Перси убрать

его на склад. Перси подтвердил просьбу, но не помнил, что стало с металлической ножкой после разборки.

Хэвилл не нашёл подпорку. Перед уходом он попросил Милдред назвать всё, что она делала после раннего выхода Гарольда. Она перечислила подсказку Лилиан, отметку в книге, короткий разговор с Кларой. Про музыкальный переход она сказала лишь, что ждала флейты. Эта фраза ничего не доказывала. Любой за сценой ждал флейты в нужном месте.

Позже Перси вернулся за своим списком. Внутри будки уже никого не было. Он не стал входить, но увидел у порога чистую полосу, будто по полу недавно передвинули вещь с латунным краем. Для старого театра это была слишком слабая примета. Он записал её на обороте описи, чтобы утром не забыть спросить, и ушёл, не заметив Милдред на другом конце коридора.

Глава 14

Письмо покупателя

Вивиан Марш не любила слово «продажа». Она предпочитала «соглашение о будущих доходах» и «передача управления». При всех различиях формулы могли привести к одному: театральный попечительский совет лишился бы права выбирать пьесы, а новое товарищество получило бы участок у моря. Участок стоил дороже зала.

Элис узнала об этом не от Вивиан. Утром после смерти Уикема курьер принёс к конторе попечителя длинный конверт, адресованный «собственнику помещений». Сэр Освальд отлучился в больницу к родственнику, и курьер попросил Элис расписаться, приняв её за сотрудницу театра. Она отказалась и позвала администратора. Но успела увидеть на конверте название строительной фирмы, с которой спорила зимой из-за другого здания.

— Это не моё дело, — сказала она Томасу. — Но если их проект касается театра, я хочу знать, не использовали ли мой акт приёмки как согласие снести фойе.

Томас предложил спросить Вивиан прямо. Они встретили продюсера в пустой кассе. Вивиан отвечала усталым голосом человека, которого всю ночь спрашивали о чужой смерти и ни разу — спал ли он сам. Сначала она отрицала сделку. Потом показала предварительное письмо. Товарищество хотело выкупить прилегающий старый склад и позднее получи-

ло бы возможность управлять театром, если совет не сумеет погасить долг за реставрацию.

— Вы подписали это до того, как Элис закончила работу?

— спросил Томас.

— Я подписала право обсудить условия. Никаких стен они ещё не получают. Фенвик сказал, что совет всё остановит, если сборы премьеры будут хорошими.

— Гарольд знал?

— Он знал про склад. Решил, что я продаю весь театр и его славу вместе с ним. Поэтому и грозил объявлением после прогона. Но говорил о фамилии на афише, не о строительной фирме. Видимо, нашёл другой повод.

Элис взяла письмо только затем, чтобы прочесть приложенный план. На нём помещение, где произошёл старый пожар, было обозначено как пустое. Для покупателя оно уже не было частью истории. Она вернула лист Вивиан и попросила копию для своего архива: акт приёмки не давал согласия ни на какое изменение назначения.

— Я понимаю, как это выглядит, — сказала Вивиан. — У меня долг. У театра долг. Когда артист обещает потрясение, я слышу не правду, а сумму, которую не смогу выплатить музыкантам.

— То, что вы боялись его слов, не означает, что вы причинили ему вред, — сказал Томас. — Но письмо надо показать Хэвиллу.

Вивиан не возражала. Именно отсутствие сопротивления

на минуту насторожило Роуэна. Затем он увидел, что она спрятала второй лист до того, как передала конверт. Похоже, на нём стояла цена театра. Человек может сотрудничать со следствием и одновременно защищать собственный невыгодный выбор. Роуэн не стал требовать лист: он сообщил Хэвиллу, что письмо неполное.

Глава 15

Сторож у главного входа

Сторож, дежуривший у служебной двери во время генерального прогона, был одним из немногих свидетелей, которым не поручали смотреть спектакль. Театр просил его не впускать репортёров после семи. Он стоял снаружи, в проходе между кассой и мастерской, и видел людей лишь тогда, когда те открывали внешнюю дверь. На вопрос Хэвилла он ответил уверенно: после начала третьей сцены никто не входил и не выходил через эту дверь до того, как Перси побежал за врачом.

— Вы были там всё время? — спросил инспектор.

— Я на минуту ходил к будке сторожа за плащом. Дверь отсюда видна через стекло. Но лицо человека, если он вышел быстро, мог не различить.

Томас попросил его показать, где стояла будка. Через стекло действительно виднелась дверь, но полотно из тёмного дерева сливалось со стеной, когда выходило за пределы фонаря. Сторож мог утверждать, что не заметил открывания; утверждать, что дверь не открывалась, не мог. Он принял поправку без обиды и записал её сам. Хэвилл счёл это важнее первоначальной уверенности.

Другой выход вёл на новую лестницу Элис. Наружная створка открывалась изнутри без ключа, а снаружи требовала поворота ручки, закрытой решёткой. На мокрой ступе-

ни сохранилось несколько следов, но дождь шёл до полуночи, и установить, какие относятся ко времени прогона, было невозможно. Хью проверил лестницу перед закрытием склада; Элис пользовалась ею днём; рабочие переносили инструменты. Никто не держал там пост. Строго запертого театра не было, даже если Вивиан назвала прогон закрытым.

— Тогда круг подозреваемых бесконечен, — сказала она, услышав результат.

— Нет, — ответил Хэвилл. — Посторонний мог войти в здание. Но ему пришлось бы знать текст, время выхода и место, где Гарольд окажется один. Случайный прохожий этого не знает.

Роуэн добавил, что Гарольд не заговорил бы с неизвестным у плаща так спокойно, как описывала Лилиан его шаг за кулису. Хэвилл возразил: его никто не видел в проходе после ухода, и спокойствие известно только по сцене. Роуэн признал предел наблюдения. Замкнутый круг здесь определялся не стенами, а общим знанием репетиции. Двенадцать человек знали достаточно много, чтобы планировать. Это было неприятнее загадки с запертой дверью: обычные рабочие отношения делали каждого участником чужого расписания.

В мастерской Эдвард показал, что внешние двери не могли быть причиной движения груза. Даже сильный сквозняк с новой лестницы покачивал бы ткань, но не сдвинул бы войлочную тяжесть по полу. Его объяснение поддерживало версию инсценировки и одновременно убирало собственную

удобную защиту: он был одним из тех, кто отлично знал, где груз стоял. Хэвилл спросил, зачем тот так настойчиво исправляет другие версии. Эдвард ответил, что не хочет защищаться ссылкой на чудо ветра, если его собственная работа оставила следы, которые можно измерить.

К вечеру сторож вернулся с ещё одной мелочью. Перед прогоном Милдред попросила его не пропускать никого с цветами через служебную дверь: букет для Лилиан уже стоял в фойе и мешал проходу. Он выполнил просьбу. В этом не было ничего подозрительного; суфлёр думал о тишине во время сцены. Но Хэвилл записал: Милдред знала, что внешняя дверь будет под наблюдением. Если она собиралась уйти из будки на минуту, ей выгоднее было пройти внутри театра, где никто не считал шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.